
ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

**КАРТЕЗИАНСКАЯ МЕТАФИЗИКА
ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА*****А.А. Кротов***

В статье анализируется особый этап в развитии метафизики картезианской школы. Рассматриваются учения Ланьона, Феде, Лелевеля, показана их зависимость от философии Мальбранша. В работе отмечаются общие черты названных учений, высказаны соображения о причинах утраты ими своих позиций.

Ключевые слова: Мальбранш; Ланьон; Феде; Лелевель; картезианство; метафизика.

Метафизика картезианской школы на разных этапах ее развития характеризуется неповторимым своеобразием. Особый интерес представляет практически неизученная в отечественной исследовательской литературе философская мысль представителей картезианской школы последней четверти XVII столетия. Ее анализ позволит расширить, дополнив определенными деталями, современные представления о характере историко-философского процесса Нового времени. Идейные искания приверженцев картезианской метафизики в названный период протекали под знаком влияния системы Мальбранша. В теоретическом наследии последнего весьма важную роль играют теория окказиональных причин, концепция «видения вещей в Боге», учение о простоте божественных путей, проявляющихся в управлении сотворенным миром. Принимая дуалистическую онтологию Декарта и его рационалистическую методологию, Мальбранш предлагает существенно иной подход к вопросу о природе психофизического взаимодействия. Отбрасывая представления о посредствующей роли шишковидной железы в процессе взаимодействия души и тела, Мальбранш причиной их связи объявляет божественную волю. С этой точки зрения подлинной причиной всего происходящего в мире высту-

пает Бог, в то время как видимые нами вещи трактуются как причины вторичные или окказиональные. В силу разнородности субстанций Мальбранш считает невозможным их естественное действие друг на друга; познание души внешних вещей рассматривается в подобном контексте как созерцание их идей в божественном разуме. В качестве важнейшей своей задачи Мальбранш рассматривал защиту религии средствами философского разума.

К числу мыслителей картезианской школы, испытавших влияние Мальбранша, принадлежит Франсуа де Ланьон (1650 — ок. 1706). Он родился в Бретани в графской семье, в 1678 г. переехал в Париж, где познакомился с Мальбраншем. В 1679 г. Ланьон был принят как математик в состав Академии наук. Из Академии он был исключен в феврале 1686 г. В 1687 г. Ланьон принял сан священника, в 1697 он входил в число дипломатов, направленных Людовиком XIV в Голландию для заключения Ривикского мира. В своих «Размышлениях о метафизике» (1678) он говорит о том, что построение названной науки должно начинаться с методического сомнения. Фиксируя собственные мысли, мы вправе задуматься об их природе. «Но, хотя бы я совсем не знал, ни каков их создатель, ни каким способом они произведе-

ны, я не могу сомневаться, что я их воспринимаю. Однако, чтобы воспринимать, нужно существовать» [5, р.84]. От существования души Ланьон переходит к бытию Бога, отстаивая онтологический аргумент. Принимая учение Мальбранша о «видении вещей в Боге», Ланьон рассматривает проблему доказательства существования внешнего материального мира. Декарт в данной ситуации ссылаясь на то обстоятельство, что Бог не может быть обманщиком, а значит, идея материи, воспринимаемая нами ясно и отчетливо, «образуется в нас по поводу вещей внешнего мира, которым она совершенно подобна» [1, с.349]. Ланьон считает, что приведенный тезис не в состоянии помочь найти удовлетворительное решение проблемы реальности материальных тел. Ведь мы ясно и отчетливо никогда не воспринимаем сами вещи, но всегда только их идеи. «Однако имеется большая вероятность, что существует протяжение вне меня, хотя бы я не мог этого доказать безусловно» [5, р.96]. Как и Мальбранш, Ланьон утверждает невозможность непроверяемого, достоверного доказательства бытия материальных вещей. Их реальность с точки зрения нашего ума «весьма вероятна», но все же средствами одного разума не может быть безусловно доказана. Согласно Ланьону, только вера, превосходящая разум, позволяет безоговорочно признать существование внешних материальных тел.

Следуя Мальбраншу, автор «Размышлений о метафизике» познание душ других людей считает возможным осуществлять по аналогии. По Ланьону, о других душах не дает представление никакая идея, не позволяет о них судить и внутреннее чувство. Если бы у нас была ясная идея другой души, мы могли бы легко вывести отсюда все ее свойства. Но такого знания у нас нет. Ланьон говорит о том, что метафизические доводы приводят нас к выводу о бессмертии духов. В уме нет ни высоты, ни ширины, ни длины, следовательно, он не складывается из частей, поэтому никогда не сможет изменить форму. Таким образом, ум не способен к внутреннему разъединению, т.е. не может погибнуть естественным путем. Не может ум быть

уничтожен и внешней силой, поскольку для того, чтобы это произошло, требуется столь же бесконечное могущество, какое необходимо для сотворения его. Следуя Мальбраншу, автор «Размышлений о метафизике» заявляет, что Бог действует всегда наиболее простыми путями. Подобное положение дел — следствие божественного могущества и мудрости. Невозможно допустить, чтобы Бог, постоянный в своих повелениях и простых действиях, пожелал что-либо создать только затем, чтобы вскоре свое же творение уничтожить. Бессмертная душа, согласно Ланьону, присуща человеку, но не животным. Термин «душа», разъясняет французский мыслитель, может пониматься в двух смыслах. Либо душой считается нечто духовное, либо телесное, позволяющее осуществлять движения живому существу. Приписывать душу животным можно лишь во втором из указанных смыслов. В пользу противоположной позиции говорит, казалось бы, то, что некоторые животные способны узнавать и понимать своих хозяев. Действительно, соглашается Ланьон, подобные соображения заставляют признать наличие разума, но не у животных. Все происходящее в материальном мире согласно строгому порядку говорит о присутствии разума. Невозможно, чтобы согласованные движения происходили в силу случайных причин. Например, точно указывающие время часы свидетельствуют об уме, который, однако, находится не в механическом корпусе. Точно также и поведение животных доказывает не наличие у них бессмертной души, а лишь свидетельствует о безграничной мудрости создателя. Животные — всего лишь машины.

В наибольшей степени оригинальны одиннадцатые «размышления» Ланьона. Они посвящены проблеме существования души до и после ее соединения с известным человеку по его здешней жизни физическим телом. По Ланьону, все совершенное существо не имеет ни прошлого, ни будущего, оно творит в вечности. Сотворенный разум извечно зависит от Бога. Чем же он является до своего соединения с телом? «Я уверен, что я был мыслящим существом, поскольку я существую только потому,

что я мыслю» [Ibid., p.119]. Воля Бога всегда одна и та же, его действия просты и подчинены небольшому числу повелений. Если наш разум сейчас соединен с телом, нужно признать, что такое положение дел соответствует его природе. Следовательно, Бог извечно предназначил человеческий разум к союзу с некоторым телом. «Я всегда был и всегда буду соединен с телом» [Ibid., p.120]. Правда, не с одним и тем же, так как материальные объекты недолговечны. Душе свойственно последовательное соединение с различными телами. Данный тезис, по Ланьону, можно подтвердить следующим рассуждением. Протяжение делимо до бесконечности и беспредельно. Бог изначально сотворил бесчисленное количество тел, предназначенных к соединению с мыслящими субстанциями. Если же души не способны к последовательной смене тел, нужно согласиться с большинством философов в том, что сформированное должным образом тело принимает вновь сотворенную духовную сущность. Такого рода вывод неприемлем, поскольку маловероятно, чтобы Бог, использующий наиболее эффективные средства, постоянно умножал бы свои действия, извлекая из небытия различные мыслящие создания. По мнению Ланьона, непостижима идея творения, согласно которой Бог каждый момент творит заново различные сущности. Принцип простоты божественных действий подсказывает совсем другую идею: последовательное соединение сотворенного разума с разными протяженными телами. Извечный закон, установленный Богом, требует, чтобы всякое бытие сохраняло свое состояние. Коль скоро все известные нам сотворенные умы связаны в той или иной степени с телами, нужно признать, что такого рода состояние для них будет свойственно всегда. Было бы даже противоречием считать, что Бог способен отделить совершенно душу от тела: это значило бы приписать ему противоположные устремления, взаимоисключающие решения. По Ланьону, помнить о своих пребываниях в прежних телах мы не можем. Память так или иначе связана с движениями «животных духов», с мозгом. Когда ум теряет связь с конкретным телом, он те-

ряет и связь с мозгом, лишается возможности вспоминать о всех событиях, характеризующих союз с утраченной телесной оболочкой. В своем стремлении последовательно развить защищаемый Мальбраншем принцип единообразия и простоты божественных действий Ланьон приходит к нехарактерной для его учителя идее «трансмиграции», переселения душ. В связи с проблемой существования внешних тел Максим Шастен во многом справедливо отмечал, что Ланьон, следуя Мальбраншу, оказывается довольно близко к позиции Беркли, предвосхищая ее [2, p.229].

Значительное влияние учения Мальбранша испытал также Рене Феде (1644–1716). Он родился в городке Шатодан, учился в Париже, где вошел в круг приверженцев картезианства. В Анжере Феде получил звание доктора медицины. Несколько лет он проживал в Сомюре, в 1692 г. становится мэром Шатодана. С 1699 г. он был членом-корреспондентом Академии наук. В своем главном труде «Метафизические размышления» (1683) Феде, наряду с философскими, обсуждает также вопросы теологического характера. «Размышления» Феде посвящены исследованию души, которое затрагивает довольно обширный круг проблем (в том числе этических и политических). В отличие от сочинений многих других картезианцев, в трактате Феде нет ссылок ни на необходимость применения методического сомнения, ни на онтологический аргумент, нет развернутого доказательства существования материального мира. «Размышления» начинаются с обсуждения вопроса о происхождении души. Согласно Феде, всегда будут тщетны усилия человека приписать себе причину собственного бытия. Нам хорошо известно, что каждый из нас существовал не всегда. Следовательно, свое происхождение мы должны возводить к существу более древнему и более могущественному, чем мы сами. Внимательно изучая самих себя, мы отмечаем слабость собственных сил. В нас самих нет никакого принципа, позволяющего сохранять непрерывное существование. Значит, некоторое высшее существо должно поддерживать наше бытие.

Вслед за Мальбраншем, Феде защищает учение о «видении в Боге». Поскольку дух может существовать, только если он мыслит, то причина нашего бытия должна быть и причиной нашего мышления. «Мои идеи или восприятия... я их могу получать только от того, кто мне дает реальность» [5, p.136]. Причем Бог, источник наших восприятий, един, а не множественен: так как душа неделима, не содержит многообразных частей, то и ее создатель должен быть един. Поскольку умопостигаемые объекты бесчисленны, верховное Существо должно быть «бесконечным, необъятным и неисчерпаемым». Оно не может заключать в себе материальную протяженность, иначе бестелесная душа не могла бы вступить с ним в контакт, получать от него идеи. Оно должно быть разумным и свободным, иначе не смогло бы произвести нашу душу. Оно должно быть вечным, неизменным и несотворенным. Верховное Существо не может пребывать в бездействии. В его сущности можно различить три лица: Отец, Сын, Святой Дух. Божественные лица не существуют в отрыве друг от друга. Отец с необходимостью порождает Сына, который выступает вечным Словом, жизнью Отца, Святой Дух «есть соответствие и сущностное единство Отца и Сына» [Ibid., p.144]. Бог, будучи неизменным, изначально определил порядок всех вещей.

Как и Мальбранш, Феде настаивает на простоте божественных действий. Материальный мир, сущность которого составляет протяжение в длину, ширину и высоту, содержит бесчисленное количество различных частей, делимых до бесконечности. Каждое тело способно к множеству изменений. Его положение среди других тел позволяет ему вступать в многообразные внешние отношения. Но в конечном счете именно Создателю тела обязаны возможностью движения. Движущая сила, настаивает Феде, неотличима от силы, производящей вещи. «Чтобы познать мой долг, и к чему я предназначен, нужно изучить мою природу» [Ibid., p.151]. Внимательный анализ природы души показывает, что она является мыслящей вещью, неделимой, проницаемой для «Отца света»,

способной вступить с Ним в контакт. «Все мое действие состоит в мышлении. Мысль есть моя жизнь: я не могу существовать без мышления» [Ibid., p.152]. Создатель предоставил человеку свободу, чтобы он мог заслужить счастье. Бог творит вещи по вечному образцу и их совершенство состоит в соответствии этому образцу. Поскольку могущество Бога беспредельно, а решения неизменны, душа не должна бояться возможного уничтожения. Бог действует свободно, производя творения: не следует думать, что мы созданы согласно некоей необходимости. Если бы Создатель творил нас по необходимости, мы были бы вечными, неизменными, неподвижными. Иными словами, по своим свойствам мы не отличались бы от Бога. Множество восприятий образуют в уме последовательность, которая позволяет измерять нашу длительность. «Последовательная длительность есть реальность существа конечного, изменчивого и зависимого» [Ibid., p.138].

Душа имеет весьма тесную связь с некоторым телом, машиной, функции которой находятся в соответствии с восприятиями ума. Поскольку союз души и тела установлен Богом, человек не вправе по своей воле его разрушать. Более того, человек обязан заботиться о своем теле, насколько это в его власти. В его обязанности входит также забота о детях, их защита и воспитание. Человек должен стремиться пребывать в мире с окружающими, естественные законы не могут поощрять истребление себе подобных. Насколько возможно, человек обязан поддерживать и облегчать труд ближних. Вместе с тем всегда оправданна защита от врагов, угрожающих нашей жизни. Правда, не всякие средства защиты допустимы. Бог не желает, чтобы врагам наносился вред сверх необходимого. Земные условия требуют от человека усилий для поддержания своего существования. Естественный закон говорит о справедливости использования плодов собственного труда. Право собственности вытекает из естественного закона.

Материальные блага должны передаваться по наследству, поскольку дети, в силу естественного закона, получают средства существо-

вания от родителей. В то же время необходимо помнить, что земные блага созданы для удобства человеческого рода, поэтому следует заботиться о бедных. Обладая от рождения различными темпераментами и склонностями, люди объединялись для взаимной защиты от несправедливых враждебных притязаний окружающих. Таково происхождение городов и обществ. Многообразные настроения и интересы объединившихся людей порождали разногласия, что побудило их избрать для общего руководства и разрешения споров из своей среды наиболее мудрых и смелых. Верховная власть, по сути, в момент своего появления была выборной.

Феде предусматривал право каждого гражданина избрать для проживания то общество, которое ему кажется наилучшим. Люди не имеют абсолютной власти над своими детьми, рождающимися свободными, поэтому, достигнув зрелости, каждый волен искать для себя самой привлекательной доли. К военным действиям против других стран, по мнению Феде, глава государства может прибегать лишь в случае крайней необходимости. Вообще действиями правителей всегда должен руководить разум. Счастье каждого человека напрямую зависит от Бога. Бог — «единственное благо» души. Зло, по мнению Феде, □ недостаток добра. «Мой создатель, представляя мне все, что для меня воспринимаемо, сам является умопостигаемым и созерцаемым объектом» [Ibid., p.140]. Поскольку действие души заключается в мышлении, ее совершенство связано с ясностью и четкостью ее идей. Счастье же неотделимо от совершенства. Наивысшее достоинство, совершенство мыслям придает созерцание Бога. «Очевидно, что я могу быть очень счастливым, только созерцая высшее Существо, восхищаясь его могуществом, любя его доброту, и поклоняясь его величию» [Ibid., p.169]. Вполне во власти человека сделать себя счастливым, направляя должным образом усилия души. Равным образом можно сделаться несчастным, устремляясь к тому, чего следует избегать. Придавая чрезмерное значение темным, неопределенным, смутным идеям, мы отдаляемся от

нашего создателя. Вне «Отца света», заключающего в себе все умопостигаемые объекты, только мрак и пустота. «Абсолютная истина есть несотворенная и независимая реальность. Относительная истина есть соответствие творения с образцом создателя» [Ibid., p.156]. Первородный грех — причина «беспорядка» в душе. Обладая свободой воли, человек избрал темноту, заблуждение, смешение, беспорядок. Предоставленный самому себе, он навсегда остался бы в таком жалком состоянии. Восстановление человеческой природы произошло благодаря воплощению божественного Слова. «Я начинаю дышать. Вечное Слово...это оно возвращает мне свет, который я вижу; это оно дает мне эти ясные идеи» [Ibid., p.185]. К спасению предназначены избранные души, число которых установлено Богом изначально. Если же среди различных поколений людей встречаются недостойные нарушители божественного закона, они не могут повлиять на количество избранных, так как должны считаться «за ничто». Число избранных не может быть бесконечным, поскольку его нельзя мыслить без противоречия применительно к земным поколениям людей. Выполнение божественного плана относительно избранных завершит движение поколений. Созерцая Верховное существо, избранные будут наполнены вечной радостью. В загробном мире люди вновь облекутся в плоть, правда, весьма отличную от земной. Тела избранных должны быть более совершенными и прозрачными, чем их земные аналоги. Отверженные, приговоренные к вечному мраку, должны получить непроницаемые, очень несовершенные тела. Феде настаивает на том, что загробная судьба избранных не может быть совершенно одинаковой. Сообразно различию заслуг неизбежно неравенство в итоговом состоянии. Но это неравенство будет сводиться к различию в степени ясности идей. «Неравенство ясности не вызовет ни печали, ни зависти у избранных» [Ibid., p.191]. В любом случае идеи, воспринимаемые в загробной жизни, будут намного более ясными, чем те, с которыми мы сталкивались в ходе земного существования.

Феде не пытался слепо следовать Мальбраншу. В своем трактате он не выступает с обоснованием и защитой окказионализма, не поддерживает мнения ораторианца о смутности познания души. Согласно свидетельству аббата Катлана, Феде вместе с Ланьонен, Режи, Шверезом, Вардом, Корбинелли обсуждал возможность подготовки издания, содержащего критику некоторых, казавшихся им неприемлемыми, идей Мальбранша [4, р.342-343]. Правда, это предполагаемое издание так и не было представлено читающей публике.

Анри Лелевель (1655–1705) некоторое время состоял членом Оратории, покинув ее ряды, преподавал в Париже философию и историю. В своем труде «Истинная и ложная метафизика» (1694) он вмешивается в полемику Режи (выразитель определенных эмпирических тенденций внутри картезианской школы) и Мальбранша, активно защищая идеи последнего. Лелевель констатирует, что некоторые пытаются опровергать картезианскую философию, не вникая в ее основания, другие же разрушают, стремясь ее сохранить. Критикуя воззрения Режи, он утверждает, что материя не может служить образцом для идеи протяженности. «И я его спрашиваю, каким будет образец или архетип протяженности? Как Бог ее сотворил, не созерцая архетипа? Действует ли Бог, не зная, что он делает? И мы, каким образом мы знаем, что материя непроницаема и делима до бесконечности, безо всякого испытания этого, если не потому, что идея, которая нам ее представляет, есть ее совершенный образец...?» [6, р.4-5]. Достоверные научные положения и истины религии опираются на неизменные идеи. «Но тщетно господин Режи старается погасить естественный свет, он всегда будет открывать каждому из нас истины, которые, как вполне понятно, Бог не может совсем не видеть; законы, которым, как вполне понятно, он не может не следовать и которым все умы обязаны подчиняться» [Ibid., р.46-47]. Фактически Лелевель отстаивает концепцию «видения вещей в Боге». Далее, по его мнению, у человека нет ясной идеи, связанной со словом «могущество». Рассуждая об источнике происхождения «ошибок

господина Режи», Лелевель утверждает: «когда настроены в пользу мнения, что “объект, представленный уму, когда созерцают протяженность, есть сама протяженность или материя” и когда из этого делают незыблемый принцип, то невозможно избежать крайностей Спинозы», отождествлявшего Бога с субстанцией Вселенной [Ibid., р.87]. Режи смешивает душу и тело; с гносеологической точки зрения, местопребывание души — божественный свет: «...чтобы открыть местопребывание души, нужно лишь поразмыслить над тем, что имеются истины, которые равным образом известны всем умам. Так как отсюда следует, что есть общий для всех объект, который их проникает и который их просвещает, что этот объект есть субстанциальный свет, что он чисто умопостижим и, как следствие, — единственная вещь, которая может охватывать умы» [Ibid., р.103]. Этот бесконечно превосходящий нас умопостижимый мир — «страна истины и справедливости», откуда мы получаем «все наши знания». Лелевель настаивает на необходимости разграничения ощущений и ясных идей. Режи, по его мнению, напротив, смешивает «темноту ощущения с ясностью познания» [Ibid., р.151]. Характерно, что Лелевель полемизирует с установками эмпиризма, приводя соображения теологического плана. Если о предметах судят только на основании ощущений, им с необходимостью приписывают власть делать людей счастливыми и несчастными посредством получаемого удовольствия или боли. В результате «мы их боимся, мы их любим, мы к ним привязываемся и, таким образом, мы на них переносим славу, которая принадлежит только Богу: это источник беспорядка в мире» [Ibid.]. Доводы Режи против «некоторых мнений» Мальбранша Лелевель именуется «жалким опровержением». Отстаивая учение Мальбранша, Лелевель предоставляет «господину Режи, который имеет столь ясную идею своей души, доказывать посредством этой идеи, но не шутильной индукции, что имеется некоторая другая вещь, с которой душа может иметь непосредственное и более совершенное соединение, чем с Богом» [Ibid., р.159].

В целом же можно сделать вывод о том, что представители картезианской метафизики последней четверти XVII в. характеризует приверженность онтологическому дуализму и рационалистической методологии, критическое отношение к сенсуализму, интерес к проблемам теологии и склонность использовать аргументацию из ее области при решении философских вопросов. Оказионализм Мальбранша далеко не всегда привлекает внимание его последователей, в отличие от сформулированной им теории «видения вещей в Боге». Именно названная теория в определенной степени объединяет их и нередко трактуется ими как продолжение августирианской линии рассуждений. Без преувеличения можно утверждать, что гносеологические идеи Мальбранша существенно видоизменили вектор развития картезианства. Конечно же, глубокое влияние Мальбранша на развитие картезианской школы не означает, что все ее последующие представители принимают его учение. На рубеже XVII — XVIII вв. продолжают публиковать труды, отмеченные воздействием картезианских идей, но отнюдь не находящиеся в орбите влияния построений ораторианца (см., например, [3]). Но все-таки не

этот вектор возобладал во французской философской культуре XVIII в. Влияние со стороны прогрессирующего естествознания, концепций философского эмпиризма, определенное отражение в теоретической сфере социальных конфликтов эпохи способствовали формированию и широкому распространению просветительских идей. Метафизические же теории, стремившиеся сохранить свою связь с теологической аргументацией и проблематикой, в «век Просвещения» утрачивают свои позиции.

Список литературы:

1. Декарт П. Сочинения, М., 1989, Т.1.
2. Chastaing M. L'abbé de Lanion et le problème cartésien de la connaissance d'autrui // Revue philosophique de la France et de l'étranger 1951 № 4-6.
3. Dupuy du Grez B. Traité sur la peinture. P., 2011.
4. Malebranche N. Oeuvres complètes // ed. par A. Robinet. P., 1961 T. XVIII.
5. Lanion F. Méditations sur la métaphysique & Fédé R. Méditations métaphysiques // ed. de J.-C. Bardout. Paris, Vrin 2009.
6. Lelevel H., La vraie et la fausse métaphysique, Rotterdam, 1694.

CARTESIAN METAPHYSICS OF THE LAST QUARTER OF XVII CENTURY

Artem A. Krotov

Moscow State University, Faculty of Philosophy; 27-4, Lomonosovsky prospekt, Moscow, 119991, Russia

In the article the special stage in development of Cartesian metaphysics is analyzed. Lanion, Fede, Lelevel's doctrines are considered, their dependence on Malebranche's philosophy is shown. In the work the common features of the called doctrines are noted and made some observations why did they lose their positions.

Key words: Malebranche, Lanion, Fédé, Lelevel, cartesianism, metaphysics